**ӘЛЕУМЕТТІК ЖӘНЕ ГУМАНИТАРЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР**
**СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**
**SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES**

CENTRAL ASIAN SCIENTIFIC JOURNAL
ISSN 3135-3061
2026. №4 (32), Том 3. С. 113–120
DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.24540925
Сайт журнала: https://cajournal.kz

**УДК 81'27:316.7(574.51)**

# ВЛИЯНИЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЫ АЛМАТЫ НА ЯЗЫКОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПРИЕЗЖЕЙ МОЛОДЁЖИ: ВТОРИЧНЫЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ

***Я.М. Жанатилеу, Ғ.К. Махамбет, Қ.Н. Нұрахмет, Я.М. Аблизова***
Университет Нархоз

**Я. М. Жанатилеу** — 202610: GED1002-RUS-23, Университет Нархоз.

**Ғ. К. Махамбет** — 202610: GED1002-RUS-23, Университет Нархоз.

**Қ. Н. Нұрахмет** — 202610: GED1002-RUS-23, Университет Нархоз.

**Я. М. Аблизова** — 202610: GED1002-RUS-23, Университет Нархоз.

**Научный руководитель:** Мустафин Бауржан Есетович — Университет Нархоз.

© Я.М. Жанатилеу, Ғ.К. Махамбет, Қ.Н. Нұрахмет, Я.М. Аблизова, 2026

**Аннотация:** Статья посвящена влиянию языковой среды Алматы на речевые практики молодёжи, переезжающей в город из других регионов Казахстана. Цель исследования — установить, какие закономерности языковой адаптации и выбора между казахским и русским языками позволяют выявить опубликованные эмпирические работы. Применён вторичный тематический анализ исследований о языковых практиках молодёжи Казахстана и языковой ситуации Алматы. Сопоставление проведено по сферам коммуникации, региону происхождения, языку образования и характеристикам социальных сетей. Результаты показывают, что языковое поведение имеет доменный характер: казахский язык устойчивее сохраняется в семье и части образовательных контекстов, тогда как в общении со сверстниками и публичных пространствах возрастает использование русского языка и двуязычных практик. Эти данные корректнее интерпретировать не как однозначный отказ от казахского языка, а как расширение языкового репертуара и ситуативную аккомодацию. Вместе с тем ни одно из рассмотренных исследований не выделяет репрезентативную выборку недавних мигрантов Алматы. Поэтому выводы статьи имеют характер обоснованных аналитических предположений и требуют проверки на первичных данных.

**Ключевые слова:** Алматы, языковое поведение, языковой выбор, билингвизм, языковая адаптация, молодёжь, внутренняя миграция.

## Введение

Внутренняя миграция молодёжи в крупные города связана прежде всего с поиском образования и работы (Забирова, 2026; Мухит, 2022), а Алматы остаётся одним из главных центров притяжения. Вместе с новым местом учёбы или работы меняется круг общения: приезжему приходится решать, на каком языке говорить с однокурсниками, преподавателями, коллегами и покупателями, особенно в торговле, общепите и сервисе, где занята значительная часть молодёжи (Байдыбекова и др., 2023, сс. 143–145).

## Социолингвистический контекст Казахстана и Алматы

Языковая ситуация города формировалась на фоне резких демографических сдвигов: по данным Э. Д. Сулейменовой и Н. Ж. Шаймерденовой (2019, с. 120), доля казахов в Алматы выросла с 13,6% в 1970 году до 59,53% в 2018 году, а доля русских снизилась с

68,3% до 26,06%. Однако этническая принадлежность не равна речевой практике: перепись 2021 года фиксирует, что двумя языками в стране владеют 44,9% жителей старше пяти лет, тремя — 28,6%, причём больше всего многоязычных горожан живёт в Алматы (Бюро национальной статистики, 2023). Но это самооценка языковой компетенции, а не выбор языка в ситуации. Согласно данным Национальной переписи населения Республики Казахстан 2021 года, языковая ситуация в стране характеризуется устойчивым распространением казахско-русского билингвизма и формированием многоязычной языковой среды. Результаты переписи свидетельствуют о высоком уровне владения казахским языком среди титульного этноса (99,6%), а также о сохранении значительной роли русского языка в межэтнической коммуникации. Данные показатели отражают динамику этноязыковых процессов и трансформацию языковых контактов в поликультурном пространстве Казахстана.

На речевые привычки влияет историческая инерция: советская политика сузила функции казахского языка до бытовой сферы (Сулейменова, 2020, сс. 114–115), к 1989 году 75,3% городских казахов свободно владели русским (Smagulova, 2008, p. 445), а в части семей прервалась межпоколенная передача языка. В первое постсоветское десятилетие позиции русского языка в городах поддерживались за счёт его статуса языка межнационального общения и сохранения русскоязычной образовательной, культурной и медийной инфраструктуры — прессы, телевидения и повседневной коммуникации, что обеспечивало языковой комфорт неказахского населения (Куницын, 2001, с. 3).. Концепция развития языковой политики на 2023–2029 годы предусматривает рост доли населения, владеющего государственным языком, с 81% до 84% и включает направления, связанные с визуальной информацией, планированием перехода на латиницу, методикой преподавания, контентом и медиа (Правительство Республики Казахстан, 2023), но реформа трёхъязычного образования сталкивается с нехваткой кадров и материалов (Karabassova, 2020). Ещё в позднесоветский период фиксировались языковые трудности выпускников сельских казахских школ при поступлении в вузы Алма-Аты: обследование 285 слушателей подготовительных отделений пяти вузов города выявило в среднем 41,3% ошибок в согласовании рода русских существительных из-за отсутствия этой категории в родном языке (Алтынбекова, 1988, с. 13–14). При этом к концу 1980-х годов, после постановлений 1983 и 1987 годов об изучении русского и казахского языков, в республиканской лингвистике уже ставились задачи анализа двуязычия в отдельных социальных группах и переключения кодов под влиянием социально-демографических факторов (Русский язык в Казахстане…, 1988, с. 5–6).

Эмпирические работы о языковом поведении молодёжи (Alisharieva, A. N. 2019; Italmassova., 2022; Jumagaliyeva, 2021; Askarova, 2019) выполнены на разных выборках и в разных городах, и ни одна не выделяет недавних мигрантов Алматы. Вторичное сопоставление этих работ позволяет выявить закономерности, не видные при чтении каждой отдельно, тем более что вопрос затрагивает сразу несколько сфер: семью, образование, друзей и работу.

Цель работы — определить, какие особенности языковой среды Алматы и какие закономерности языковой адаптации молодёжи из других регионов Казахстана выявляются в опубликованных исследованиях. Проверяются две гипотезы. Гипотеза 1: приезжие сталкиваются с необходимостью чаще использовать и изучать русский язык. Гипотеза 2 (альтернативная): приезжие не сталкиваются с существенными трудностями и не меняют языковые практики под влиянием среды. Дополнительный вопрос состоит в том, от каких условий (регион выезда, язык обучения, социальные сети, установки) зависит характер адаптации.

**Теоретическая рамка**

Языковой выбор не сводится к личному удобству и укоренён в статусных иерархиях. Пьер Бурдьё (Bourdieu, 1991) описывал коммуникацию как лингвистический рынок, где владение разными языками приносит неодинаковую социальную и экономическую отдачу. В

терминах П. Бурдьё владение русским языком в подобных ситуациях выступает формой лингвистического капитала, позволяющей расширять возможности профессиональной и социальной коммуникации. При этом практическая ценность языка определяется не только его распространённостью, но и тем, какие преимущества он предоставляет в конкретном социальном пространстве. В позднесоветских и ранних постсоветских городах Казахстана русский язык ассоциировался с городской мобильностью, тогда как казахский воспринимался как маркер сельской среды (Smagulova, 2008, p. 445). Хотя символический престиж казахского языка вырос, в Алматы сохраняется несколько локальных лингвистических рынков с разной практической ценностью обоих языков (Ahn & Smagulova, 2022; Jumagaliyeva, 2021).

Языковой сдвиг (language shift) означает замещение одного языка другим в отдельных сферах общения под давлением востребованного кода (De Klerk, 2000, p. 88), тогда как языковая аттриция (language attrition) проявляется в ослаблении активного словаря и сужении ситуаций использования первого языка (Askarova, 2019, p. 8). Этнолингвистическая витальность казахского языка связана с устойчивостью его межпоколенной и внутрипоколенной передачи (Сулейменова, 2009, с. 27). Модель Дж. Фишмана разделяет языковые установки, компетенцию и речевую практику (Fishman, 1991, цит. по Smagulova, 2008, p. 460), объясняя расхождение между поддержкой родного языка и переходом на русский.

Социологическое воображение Чарльза Райта Миллса (Mills, 1998) связывает биографию мигранта с общественными условиями: переход на русский язык зависит от языка преподавания, состава группы и правил делопроизводства. Теория структурации Энтони Гидденса (Giddens, 2003) показывает, как эти нормы закрепляются в рутине через взаимную аккомодацию собеседников и переключение кодов (code-switching): мигрант либо воспроизводит русскоязычные привычки окружения, либо расширяет общение на казахском.

**Методология**

Исследование выполнено как вторичный качественный сравнительный анализ опубликованных эмпирических работ. Собственный опрос мигрантов не проводился, поэтому статья не оценивает статистические доли, а сопоставляет повторяющиеся закономерности и пробелы. Основной корпус составляют пять публикаций, отобранных по четырём критериям: опора на эмпирические данные, а не на обзоры; фокус на молодёжи и студентах; связь с выбором между казахским и русским языками; хронологическая близость (2019–2022 гг.). Поиск публикаций осуществлялся по тематическим ключевым словам, связанным с языковым выбором, языковым сдвигом, билингвизмом и языковой адаптацией молодёжи Казахстана. При отборе учитывались соответствие теме исследования, наличие описания выборки и методов сбора данных, а также возможность сопоставления результатов по сферам коммуникации. В итоговый корпус вошли пять эмпирических публикаций, представляющих как количественные, так и качественные подходы.

**Характеристика корпуса исследований**

Работа А. Н. Алишариевой, Ж. К. Ибраевой и Е. Ю. Протасовой (Alishariyeva et al., 2019) посвящена многоязычию студентов КазНУ имени аль-Фараби в Алматы: групповое интервью с восемью студентами до 30 лет и три письменные языковые биографии. Источник выбран за локализацию в Алматы; главный результат — положительное отношение студентов к полиязычию при ощущении языковых барьеров; мигранты не отделены от коренных горожан.

А. Аскарова (Askarova, 2019) в магистерской диссертации провела интервью с шестью студентами-казахами в Астане (целевой отбор и «снежный ком») и применила таксономию девяти факторов сдвига В. Де Клерк. Решающими оказались языковые сети, установки и массмедиа, а экономические и гендерные причины — менее значимыми. Работа объясняет механизмы сдвига, но данные собраны не в Алматы.

А. Джумагалиева (Jumagaliyeva, 2021) в магистерской диссертации рассматривает через понятие габитуса языковой выбор восьми этнических казахов 18–25 лет из четырёх

регионов в семье, среди друзей, на работе и в медиа и исходит из того, что русский язык сохраняет сильные позиции из-за советской языковой политики. Источник ближе всего к теме приезжей молодёжи, но выборка мала.

Опрос Р. Б. Италмасовой, А. У. Сатыбаевой и Я. А. Ералиевой (Italmassova et al., 2022) охватил 1 000 учащихся школ и колледжей 12–17 лет из 14 областей и трёх городов республиканского значения (77,0% — казахи, 16,4% — русские, 6,6% — другие этносы) и опирается на лонгитюдное исследование 2018–2021 гг. Разбивка по сферам общения даёт основу для количественного сравнения, но респонденты младше студентов, а мигранты не выделены. Доклад Д. Шариповой и С. Бейменбетова (Sharipova & Beimenbetov, 2021) по репрезентативному опросу 1 000 человек 14–29 лет (17 февраля – 9 апреля 2020 г.) использовалась как дополнительный социологический источник для характеристики молодёжной среды Казахстана.

**Процедура анализа и ограничения**

Работы сопоставлялись по выборке, дизайну, сферам общения и факторам языкового выбора. Для сравнительного анализа были выделены четыре аналитических измерения: семейная коммуникация, образовательная среда, общение со сверстниками и публичные пространства. Дополнительно учитывались регион происхождения респондентов, язык обучения и характеристики социальных сетей, проценты разных исследований не складывались из-за различий в возрасте и шкалах. Ограничения вторичного анализа: исследования проведены в разные годы; выборки несопоставимы по объёму (от шести информантов до тысячи респондентов) и возрасту; не все работы посвящены приезжей молодёжи Алматы (Askarova собрала данные в Астане, Italmassova et al. опросили подростков по всей стране, Sharipova & Beimenbetov дают лишь фон); методы различаются. Поэтому выводы — аналитические гипотезы, а не статистические оценки.

**Результаты вторичного анализа**

Состав выборок определяет, о ком можно делать выводы. В опросе Italmassova et al. (2022) казахи составляют 77,0%, а три из пяти работ прямо ориентированы на этнических казахов (Askarova, 2019; Jumagaliyeva, 2021; Italmassova et al., 2022), поэтому использование русского языка в общественных сферах нельзя объяснить этничностью респондентов. Рост доли казахов в Алматы означает, что приезжий казах чаще встречает носителей своего языка, но практика города остаётся двуязычной (Сулейменова & Шаймерденова, 2019).

Речевая адаптация во многом задана регионом прежнего проживания: юг и запад остаются преимущественно казахоязычными, а север, центр и восток — русскоязычными (Smagulova, 2008, pp. 447–448). Материалы фокус-групповых исследований также показывают контраст между южными и западными регионами, где статус казахского языка и запрос на расширение сферы его применения ощущаются острее, и полиэтничными территориями севера, востока и крупных городов вроде Алматы, где в повседневной коммуникации доминирует русский язык, а также фиксируются трения между уроженцами южных и северных регионов на фоне внутренней миграции (Кадыржанов Р. К., 2020, с. 87, 89, 91, 93).У Askarova (2019, p. 30) пять из шести студентов, переживших ранний сдвиг на русский язык, выросли в городах севера и востока при нехватке казахских школ.

**Языковой выбор по сферам коммуникации**

Во всех работах виден контраст между семьёй и публичными пространствами. По данным Italmassova et al. (2022, с. 183), среди учащихся-казахов дома преимущественно на казахском говорят 51,9%, 34,8% используют оба языка поровну, 12,7% — преимущественно русский; Alishariyeva et al. (2019, сс. 3–8) и Jumagaliyeva (2021) подтверждают роль семьи как канала передачи казахского. В учебных заведениях язык преподавания не всегда определяет неформальную речь: 63,4% опрошенных учились на государственном языке и 45,2% казахов назвали казахский основным языком общения на учёбе (Italmassova et al., 2022, сс. 182–184), но на переменах в городских казахских школах дети часто переходят на русский (Smagulova, 2019, p. 148). Студенты вузов Алматы ценят полиязычие (Alishariyeva et al. , 2019, с. 9), но

нехватка научной литературы на казахском заставляет обращаться к русским и английским источникам (Askarova, 2019, p. 33).

**Социальные сети, публичная среда и медиапотребление**

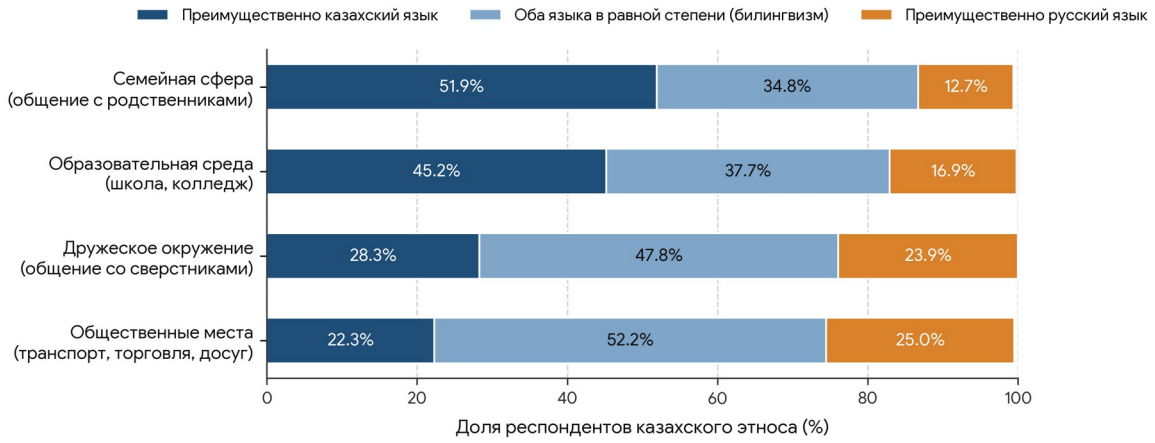
За пределами семьи и аудиторий растёт доля двуязычной и русскоязычной речи. Все шесть информантов Askarova (2019, pp. 30–36) назвали главными факторами сдвига референтные сети, языковой комфорт и потребление медиа; пятеро отметили нехватку казахоязычной среды, четверо — влияние учёбы, двое — экономические и гендерные причины. В коммерческом секторе Алматы документооборот частных компаний и банков ведётся преимущественно на русском (Smagulova, 2008, p. 452). Для молодёжи в торговле, общепите и сервисе (Байдыбекова и др., 2023, с. 145) переключение между языками становится рабочим навыком, а меньший объём казахоязычного контента усиливает востребованность русского и английского в медиа (Askarova, 2019, pp. 31–32; Italmassova et al., 2022, с. 186). При этом, несмотря на рост формальных показателей присутствия государственного языка в медиапространстве (до 60% интернет-ресурсов и до 78% онлайн-контента в СМИ к середине 2026 года), на правительственном уровне по-прежнему фиксируется необходимость повышать именно качество и конкурентоспособность казахоязычного контента, а также развивать цифровые и ИИ-инструменты на казахском языке (Керей, 2026, с. 3).

**Сопоставление количественных тенденций**

Различия между сферами отражает Рисунок 1, при переходе от семейной к общественной сфере доля преимущественно казахоязычного общения сокращается с 51,9% до 22,3%, тогда как доля преимущественно русскоязычного общения увеличивается с 12,7% до 25,0%. Это свидетельствует о различиях в распределении языков по сферам коммуникации, а не о непосредственно зафиксированном изменении индивидуального речевого поведения. У респондентов русского и других этносов в тех же сферах русский язык преобладает на уровне 83–89% (Italmassova et al., 2022, сс. 183–184). Региональная практика показывает, что даже в преимущественно казахоязычных областях массовые акции по продвижению государственного языка часто не дают ожидаемого эффекта. Кроме того, в сфере услуг - среди гостиниц, ресторанов и предпринимателей - языковые нормы нередко не соблюдаются (Пресс-служба акимата Жамбылской области, 2019, с. 2).

Рисунок 1

*Распределение языковых практик казахской молодёжи по сферам коммуникации, %*




*Примечание.* Построено по данным Italmassova et al. (2022, pp. 183–184), подвыборка учащихся казахского этноса (n = 770). Вариант «на другом языке» (≤ 0,5%) не показан.

**Обсуждение**

Гипотеза 1 подтверждается частично. Среди сверстников, в общественных местах и, по косвенным данным, в сервисной занятости русский язык служит кодом координации в полиэтничном городе (Italmassova et al., 2022, с. 179; Ahn & Smagulova, 2022), однако источники показывают рост доли русской и двуязычной речи, а не необходимость осваивать

язык с нуля. Гипотеза 2 в сильной форме не подтверждается: сдвиг к русскому зафиксирован у молодых казахов в нескольких независимых работах; в слабой форме она поддержана положительным отношением студентов к полиязычию (Alishariyeva et al., 2019, с. 9). Сильнее всего ситуация выражена среди друзей и в общественных местах, слабее — в семье и образовании, а о работе можно судить лишь предположительно. Характер адаптации определяют сфера общения, регион выезда, язык обучения и состав сетей, а не только экономическое давление (Askarova, 2019).

Italmassova et al. (2022, с. 180) называют такую модель односторонним, нерегрессивным и несимметричным билингвизмом: двумя языками владеют в основном казахи, распределяя их по ситуациям без утраты родного. По Фишману (Smagulova, 2008, p. 460) виден разрыв между высокой ценностью казахского (82,4% считают его знание важным для успеха; Italmassova et al., 2022, с. 185) и речью в публичной сфере: пять из шести студентов Askarova (2019, p. 20) стремились практиковать казахский, но сдерживались страхом критики за акцент (Askarova, 2019, p. 36), и выходом становится смешанная речь («шала-қазақша»).

Расхождения между авторами объясняются возрастом респондентов (подростки у Italmassova et al., студенты у Askarova и Alishariyeva et al.), географией (вся страна, Алматы, Астана), методом (опрос фиксирует декларации, интервью — опыт) и временем сбора данных. Результаты согласуются с теориями: по Бурдьё (Bourdieu, 1991) русский остаётся ресурсом на городских рынках труда и общения; по Миллсу (Mills, 1959) выбор языка задан историей и институтами; по Гидденсу (Giddens, 1984) повторяющиеся практики языковой аккомодации могут способствовать воспроизводству сложившихся языковых норм, поскольку индивидуальные решения участников коммуникации одновременно зависят от существующих социальных условий и поддерживают их, а «номинальная титульность» государственного языка (Italmassova et al., 2022, с. 179; Karabassova, 2020) закрепляет эту привычку. Это согласуется с тезисом о том, что исторически сложившиеся культурно-языковые границы между сельской и городской средой и доминирование русского языка в вербальной коммуникации крупных городов продолжают воспроизводиться даже при расширении формальных функций государственного языка. (Кадыржанов, 2022, с. 28–29).

**Ограничения интерпретации и направления дальнейшего исследования**

Ограничения не позволяют дать универсальный ответ: Alishariyeva et al. (2019) не выделяют мигрантов, опрос Italmassova et al. (2022) охватывает подростков, а диссертации Askarova (2019) и Jumagaliyeva (2021) опираются на малые выборки. Нужен отдельный опрос приезжей молодёжи Алматы 17–25 лет с учётом региона выезда, языка обучения, срока жизни в городе и сферы занятости.

**Заключение**

Сравнительный анализ пяти исследований показывает, что речевое поведение молодёжи Казахстана зависит от сферы общения и устройства локального лингвистического рынка. В семье и части учебных потоков преобладает казахский язык, тогда как среди сверстников, в общественных местах, торговле и цифровой медиасреде расширяются двуязычные и русскоязычные практики. Сопоставленные исследования позволяют предположить, что языковая адаптация части казахоязычной молодёжи в крупных городах может происходить по модели одностороннего несимметричного билингвизма: русский язык сохраняет практическую значимость в ряде образовательных и профессиональных контекстов, тогда как казахский язык продолжает выполнять важную функцию в семейной коммуникации и поддержании языковой идентичности. Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты помогают приезжим понять: смена языка в городе — результат условий среды, а не личная неудача; вузам — учитывать роль языковых сетей и поддерживать казахоязычное общение вне аудитории; специалистам по языковой политике, включая реализацию Концепции 2023–2029 годов, — различать меры для «открытых» сфер (среда, медиа) и регулируемых (образование); исследователям — проверить выводы на первичных данных.

© Central Asian Scientific Journal, 2026

**Список литературы:**

1. Alishariyeva, A. N., Ibraeva, Zh. K., & Protassova, E. Yu. (2019). *Language choice among Almaty students.*

2. https://www.researchgate.net/publication/338043664_Language_choice_among_the_Almaty_students

3. Askarova, A. (2019). Factors of language shift from Kazakh to Russian in university students [Master's thesis, Nazarbayev University]. https://nur.nu.edu.kz/items/19f539fd-1aa6-40c5-b2fa-42468e2c9a0b

4. Ahn, E. S., & Smagulova, J. (2022). English language choices in Kazakhstan and Kyrgyzstan. *World Englishes, 41*(1).

5. https://books.google.co.in/books?id=lHVlCwAAQBAJ&printsec=frontcover&source=gbs_atb#v=onepage&q&f=false

6. Bourdieu, P. (1991). Language and symbolic power. Harvard University Press.

7. De Klerk, V. (2000). Language shift in Grahamstown: A case study of selected Xhosa-speakers. International Journal of the Sociology of Language, 146, 87–110.

8. Giddens, A. (1984). The constitution of society: Outline of the theory of structuration. University of California Press.

9. Italmassova, R. B., Satybayeva, A. U., & Yeraliyeva, Y. A. (2022). State language policy and linguistic practice of Kazakhstani students in the context of sociological measurements. The Journal of Psychology and Sociology, 81(2), 176–188. https://bulletin-psysoc.kaznu.kz/index.php/1-psy/ru/article/view/1541

10. Jumagaliyeva, A. (2021). Choosing between Kazakh and Russian: A study of young ethnic Kazakhs' language choices through the lens of habitus [Master's thesis, Nazarbayev University]. https://nur.nu.edu.kz/items/6eba0442-9a07-4985-ac26-a67104a5e79b

11. Karabassova, L. (2020). Is top-down CLIL justified? A grounded theory exploration of secondary school science teachers' experiences. International Journal of Bilingual Education and Bilingualism.

12. Mills, C. W. (1998). The sociological imagination. Oxford University Press.

13. Smagulova, J. (2008). Language policies of Kazakhization and their influence on language attitudes and use. International Journal of Bilingual Education and Bilingualism, 11(3–4), 440–475.

14. https://www.researchgate.net/publication/233037611_Language_Policies_of_Kazakhization_and_Their_Influence_on_Language_Attitudes_and_Use

15. Sharipova, D., & Beimenbetov, S. (2021). *Youth in Kazakhstan: Assessing their values, expectations, and aspirations* [Research report]. Friedrich-Ebert-Stiftung Kazakhstan.

16. https://collections.fes.de/publikationen/ident/fes/18450

17. Smagulova, J. (2019). Early language socialization and language shift: Kazakh as baby talk. Journal of Sociolinguistics, 18(3), 370–387.

18. https://www.researchgate.net/publication/277309816_Early_language_socialization_and_language_shift_Kazakh_as_Baby_Talk

19. Алтынбекова, О. Б. (1988). Нарушения при согласовании в роде русских существительных в речи выпускников казахских школ. В *Русский язык в Казахстане: проблемы функционирования и изучения* (с. 13–14). Наука КазССР.

20. https://scholar.google.com/citations?user=byAdd8EAAAAJ&hl=en

21. Байдыбекова, С. К., Сауранбай, С. Б., & Сыздыкова, Э. Ж. (2023). Рынок труда молодежи в Казахстане: проблемы и пути решения. *Вестник КазНУ. Серия экономическая*, *144*(2), 141–150.

22. https://www.researchgate.net/publication/371646917_Rynok_truda_molodezi_v_Kazahstane_problemy_i_puti_resenia

23. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. (2023, 2 ноября). Бюро национальной статистики опубликовало тематический сборник по национальному составу населения по итогам переписи 2021 года. https://stat.gov.kz/ru/news/byuro-natsionalnoy-statistiki-opublikovalo-tematicheskiy-sbornik-po-natsionalnomu-sostavu-naseleniya/

24. Забирова, А. Т. (2026). *Языки самоописания современного Казахстана.*

25. https://kazneb.kz/ru/catalogue/result?fld=sigla_org_partner_id&page=132&val=0

26. Италмасова, Р. Б., Абенова, К. А., & Сатыбаева, А. У. (2022). Жалпы білім беретін және кәсіптік оқу орындары білім алушыларының тілдік қалауы: Лонгитюдті зерттеу нәтижелері. Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии, 80(1), 91–101.

27. Кадыржанов, Р. К. (2020). Культурная интеграция этносов в Казахстане. Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК.

28. Кадыржанов, Р. К. (2022). Социально-культурные основания национального строительства в Казахстане. Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК.

29. Керей, А. (2026, 18 июня). Повысить качество и конкурентоспособность казахскоязычного контента. *Казахстанская правда*.

30. Концепция развития языковой политики в Республике Казахстан на 2023–2029 годы: Постановление Правительства Республики Казахстан № 914. (2023, 16 октября). https://www.gov.kz/org/kyzylorda-sayasat/press/article/details/206305?lang=ru

31. Куницын, В. (2001, 5 мая). Языковая политика в Казахстане: мифы и реальность. *Экспресс*.

32. Мухит, М. (2022, 15 марта). Как в Казахстане перемещаются внутри страны и вне: миграционные тренды. *The Steppe*. https://the-steppe.com/razvitie/kak-kazahstancy-peremeshchayutsya-vnutri-strany-i-vne-migracionnye-trendy-v-kazahstane

33. Правительство Республики Казахстан. (2023, 16 октября). Об утверждении Концепции развития языковой политики в Республике Казахстан на 2023–2029 годы (Постановление № 914). https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000914

34. Пресс-служба акимата Жамбылской области. (15 октября. 2019). *Официальный интернет-ресурс акимата Жамбылской области*

35. https://www.gov.kz/org/zhambyl?lang=ru

36. Сулейменова, Э. Д. (2009). Очерк языковой политики и языковой ситуации в Казахстане. *Russian Language Journal, 59*(1), 21–36.

37. https://www.researchgate.net/publication/383016844_Ocerk_azykovoj_politiki_i_azykovoj_situacii_v_Kazahstane

38. Сулейменова, Э. Д. (2020). Глобализация и языковая политика. *Полилингвиальность и транскультурные практики*, *17*(1), 112–120

39. esearchgate.net/publication/347255842_Globalization_and_Language_Policy

40. Сулейменова, Э. Д., & Шаймерденова, Н. Ж. (2019). Русский язык полиязычных мегаполисов Казахстана. В *Русское слово в многоязычном мире: Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ* (с. 119–124). МАПРЯЛ.

41. https://pps.kaznu.kz/ru/Main/FileShow2/155663/111/3/11223/0//